

ПОРОИ кинематограф принуждает нас забыть о том, что, помимо всего прочего, фильм должен нравиться либо нет. Бывает, просмотришь три тысячи метров пленки, не признаешься со всеми киногероями, вскроешь содержание, вступишь в себя познавательные и воспитательные свойства кинополотна, а вот полюбить фильм или же отшатнуться от него... как-то и не успеешь.

Фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (сценаристы В. Фрид, Ю. Дунский, режиссер А. Митта) достигает этой горячей точки зрительского интереса. Любопытное зрелище! Диковинный рассказ! Одни бранят его за пестроту и эклектику выразительных средств. Другие хвалят за удачу, веселую раскованность киноистории. Спорят! Гадают: таков ли царский арап, тот ли? Похож ли на царя Петра актер Петренко?..

Действительно, язык этой картины, где вступительные титры перемежаются райскими птицами, необузданно пестр. Русский лубок соседствует с мультипликационной Африкой. В старинные гравюры, в батальные и парадные картины дерзко врываются игровые кинопечатки. Каждый раз кинематографическое действие как бы на мгновение «на глазок» повернется истинной стариной, чтобы рвануться дальше, продолжиться вольной кинофантазией.

Эта фантазия условна и иронична, когда мы попадаем в Париж. Эта фантазия красочна и романтична, когда перед нами возникает строящийся град Петра, Нева, еще не одетая гранитной рамой. Топь и грязь. И царь с топором на верфях. И матовый лес на крепких мужичьих плечах. И гордые силуэты кораблей... Высокие мгновения истории России!..

Эта фантазия романтична, хотя возвышенное в ней свободно уживается с низким, смешным и даже шутовским. Здесь и необузданные вспышки гнева, и фанатизм Петра. И плутовство свежесбранных бояр. И тупость их сынков. Здесь, наконец, и хитроумная любовная интрига, история женитьбы царского арапа Ганнибала. Пестрое действо! Оно многогранно, как строящийся фрегат, на котором разыгрывается один из центральных эпизодов фильма — бал, знаменитая петровская ассамблея.

Гремит музыка, веселятся собрание, движется в мундате царский арап с боярышней Наташей, Петр, похихивая трубкой, здесь же вершит государевы дела, судно тем временем достраивают, шпаклюют на скорую (и жуликоватую) руку, и, заметив это, взбешенный царь рубит канаты, выбивает колодки и спускает прохудившийся фрегат вместе с отплывающей ассамблей в ледяную невестскую купель. Комично? Грозно? Не возвышенно!

Так и на всем есть здесь отсвет времени Петра.

Есть он и на любовной истории женитьбы царского арапа.

Вживаясь в стихию этого фильма, мы невольно перебираем жанры, к которым можно было бы отнести это кинозрелище. Авантюрный, любовный роман или его пародия? Историческая комедия или сказка, навеянная историей?

Наверное, не все знают, что царь Петр вовсе и не женил своего арапа. Ганнибал женился позже, во время царствования Анны. И первой супругой его была вовсе не русская боярышня, а дочь моряка-грека, оказавшаяся неверной женой, родившая Ганнибалу бело-

Кадр из фильма. Царь Петр — А. Петренко, Ганнибал — В. Высоцкий

ПАРУСА ФАНТАЗИИ

«Сказ про то, как царь Петр арапа женил»

го ребенка и заточенная в монастырь. Факты эти были, разумеется, известны А. С. Пушкину, писавшему в «Начале автобиографии»: «В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин».

Так не исключает ли это всякую возможность вымышленной истории?

Но ведь и сам Пушкин отступал от реальности! При жизни поэта в «Северных цветах» и в «Литературной газете» публиковались главы из исторического романа, описывающие и знакомство Ганнибала с будущей женой боярышней Наташей Ржевской, и сватовство Петра в доме Ржевских. В стихах поэт повторял тот же русский мотив:

Как жениться задумал
царский арап,
Меж боярынь арап
показывает,
На боярышню арап
поглядывает...
А как он арап чернышечек,
А она-то душа
белешенька.

Нам важно вспомнить об этом для того, чтобы понять авторов «Сказа», которые в своем вымысле ушли еще дальше, показав на экране счастливую взаимную любовь африканца Ганнибала и русской девушки Наташи. Имели ли они на то право? Думается, да. Отступив, вслед за самим Пушкиным, от исторических фактов, они рассказали на экране сказку о женитьбе царского арапа, в которой есть, однако, поэтическая правда. Эта правда заключена в том, что Ибрагим Ганнибал, воспитанник и наперсник Петра, действительно, был поведен с высокими делами и судьбой России, и в том, что его державный крестный действительно был и покровителем, и дальновидным «сватом» такого союза Ганнибала с Россией. Об этом и рассказывает фильм. В этом его смысл, его доброта и поэзия. В этом зерно трех главных ролей «Сказа»: Петра — А. Петренко, Ганнибала — В. Высоцкий и Наташи — И. Мазуркевич.

Похож ли на Петра актер Петренко? В той же мере, в какой Игорь Ильинский был похож на Кутузова в «Гусарской балладе» (ведь и Кутузов там действует на периферии исторического сюжета). В той же мере, в какой похож на Петра царь Петр, возникающий в народных преданиях и сказках.

Романс о влюбленных можно сочинить сегодня. Сказ всегда придумывается до нас. Поэтому фольклорная основа «Сказа» В. Фрида, Ю. Дунского и А. Митты тяготеет скорее к исторической сказке, где действуют великий царь и его вельможи, храбрый молодец и его красная девица. Да, именно сказка прежде всего угадывается в новом фильме А. Митты, несмотря на кажущуюся отдаленность языка фильма от сказочного истока.

Пожалуй, мы просто привыкли к доморощенным одеяниям сказки на экране — чтоб непременно была избушка на курьих ножках, чтоб печь сама пекла пироги... И все же далековато отстоят от нас порой старые сказки. Когда мы их рассказываем по-стариковски.

Но думается мне (и не только в связи со «Сказом» про Петра), что сказочные фольклорные мотивы сегодня встречаются на экране и чаще, и не всегда там, где их привычно ожидать. Они вторгаются в совсем иные, казалось бы, чужеродные владения. Вспомните «Белое солнце пустыни» — приключенческий фильм на материале гражданской войны. Весьма легко была установлена его жанровая переключка с «вестерном». Однако не менее прочные узлы роднят «Белое солнце пустыни» с русской сказкой. Сам образ солдата, вечного и неунывающего странника, заплутавшегося на чужой стороне, встретившегося и со злоключениями, и с искусом, и со смертью, конечно же, взят из сказочного, народного родника. И как

раз этой своей фольклорной узнаваемостью он обогащает смысл приключенческой киноистории, придает ей глубину сказочной притчи.

Возьмите новый литовский киномюзикл «Чертова невеста» режиссера А. Жебрюнаса. Из романа «Мельница Балтагиса», послужившего основой мюзикла, А. Жебрюнас и композитор В. Ганелин взяли самый дух литовского фольклора, где народная фантазия и поэзия причудливо перемешаны с колдовством, сказка — с жизнью, где чертова сваха дружит с конокрадом, а мельник продает дочку черту. Об этом и фильм: о несчастливой доле старого мельника, о любви его прекрасной дочери и доброго молодца, о кознях черта.

И все это на киноэкране оправдано в форму современного мюзикла. Все разыграно и пропето так, как будто и не было вовсе старины, был всегда сегодняшний день и всегда кружились ветряные мельницы, всегда, сетуя на судьбу, пели мельники арии — хрипловатым тембром, со скейтами и синкопами, и всегда их прекрасные дочери нет-нет, да и срывались в танце на ритмы шейка.

В «Чертовой невесте» вовсе нет унылой архаики, нет скучноватого музея старины с дотошно воспроизведенной этнографией — вас со всех сторон обступают веселая, привольная, нежная, зеленая земля Литвы, по которой с песнями, танцами, с ветром, лентами и бубенцами в лошадиных гривах катит стремительное, яркое, озорное, сказочное и современное действо мюзикла.

...Сказка — и далеко петровское время. Сказка — и современный литовский киномюзикл. Сказка — и это гражданской войны. Сказка — и помеченные сегодняшним днем экранные истории Ролана Быкова «Айболит-66», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Сказка вторгается сегодня в любые временные параметры, примерлет одежды самых разных и неожиданных киножанров. И в этом угадывается одно из плодотворных, тяготеющих к фольклорности направлений современного кино.

А. ЗОРКИЙ